

Совет Уральских Бирюковских чтений
Министерство культуры Челябинской области
Управление культуры города Челябинска
Управление образования города Челябинска
Челябинский государственный педагогический университет

**У Р А Л Ь С К И Е
Б И Р Ю К О В С К И Е
Ч Т Е Н И Я**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ СТАТЕЙ**

120-летию В.П. Бирюкова посвящается

Выпуск 5

Часть 2

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ**

Издательство Марины Волковой

2008УДК 9 (с17)
ББК 63.3 (2Р36)
У 68

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор
С.С. Загребин

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор
И.В. Сибиряков
доктор исторических наук, профессор
А.Л. Худобородов

Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. и научно-популярных статей /
науч. ред. проф. С.С.Загребин. — Вып.5. Историко-культурное наследие
российских регионов. Часть II. — Челябинск. 2008. — 494 с.
ISBN 978-5-903322-24-4

В сборнике представлены научные и научно-популярные статьи участников XVIII
Уральских Бирюковских чтений. Авторы исследуют малоизученные проблемы исто-
рии российских городов и регионов. Сборник предназначен для научных работников,
краеведов, студентов и аспирантов, для всех, интересующихся проблемами краеве-
дения, истории и культуры российской провинции. Сборник посвящен 120-летию
В.П. Бирюкова

ISBN 978-5-903322-24-4

© Совет Уральских Бирюковских чтений, 2008
© ООО «АЛИМ», 2008

**У р а л ь с к и е
Бирюковские чтения
В ы п у с к 5**

**Религиозные,
этнические
и демографические
аспекты
региональной
истории и культуры**

<i>Лигенко Н.П.</i> Особенности формирования ижевской предпринимательской династии Оглоблиных в условиях заводского поселка.	215
<i>Ляхудзаев М.И.</i> Роль Н.И. Мелкова в эсеровском движении на Урале (1905-1918).	219
<i>Марамыгина С.А.</i> Носилов Константин Дмитриевич, писатель, путешественник, исследователь Севера.	221
<i>Москвина И.С.</i> К вопросу реконструкции родословных семьи Москвиных.	223
<i>Попова К.А.,</i> Л.Н. Сейфуллина и В.П. Правдухин — основатели детского театра в Челябинске.	231
<i>Рушанин В.Я.</i> Поликарп Васильевич Сапронов — первый ректор вуза культуры на Урале.	233
<i>Ряховских А.И.</i> Польские ссыльные в Оренбуржье. Фома Зан.	235
<i>Середа Н.В.</i> Гендерные отношения в семье тверских жителей Блиновых.	239
<i>Смирных А.Л.</i> Родственники скульптора И.Д. Шадра.	244
<i>Чумакова Э.Е.</i> О некоторых именах из дневника В.П. Бирюкова.	248
 Социокультурный облик города: от первобытного поселения до мегаполиса	253
<i>Анисимова Т.А., Баранская Е.А.</i> Эволюция архитектурно-планировочного решения ц ентральной площади Царицына-Сталинграда-Волгограда.	255
<i>Ахатов М.Ш.</i> Градостроительная ситуация: условия и особенности застройки г. Челябинска	260
<i>Баканов С.А.</i> Шахтерский город Камышное: нереализованный градостроительный проект 1930-х гг.	265
<i>Баклыская Л. Е.</i> Владивосток — город русской эклектики	268
<i>Берестова Е.М.</i> Культурное пространство уездного города в пореформенный период (на примере г. Глазова Вятской губернии).	272
<i>Богомолова И.А.</i> Особенности архитектурного пространства русских городов в X-XVIII веках.....	278
<i>Васильева Т.А.</i> О некоторых особенностях домостроения на Екатерининском городище (Приморский край).	284
<i>Голубева Л.Н., Карташова Л.А.</i> Православная архитектурная среда города Ельца, как символ духовности.	286
<i>Жидченко А.В.</i> Застройка особых городских районов в крупном сибирском городе (1950-60-е гг.).	289

работка деталей. Вытянутой прямоугольное в плане здание было перекрыто черепичной двускатной кровлей с большим свесом и приподнятыми углами. Пропорции и декор элементов стоечно-балочной системы также соответствовал восточной традиции.

Но такие прямые цитаты из архитектуры Востока в застройке Владивостока были редки. В их числе — некоторые декоративные детали несохранившихся деревянных домов (башенки в форме пагоды, рисунок орнамента деревянной резьбы) в бывших национальных слободах. В большинстве случаев восточные черты растворяются в классицистической, современной или другой структуре фасада, соседствуя и взаимодействуя с деталями классицизма, барокко, модерна. Декоративные ступенчатые аттики, силуэтом напоминающие пагоду или стилизованный буддийский каменный храм, могли служить завершением трехчастного фасада в духе классицизма, включающим ордерную композицию, классический карниз и рустовку. В.М.Марков находит в архитектуре Владивостока черты парадного стиля “пайлоу”, для которого характерен острый вертикализм крайних выступов фасада, завершенных своеобразными акротериями, и криволинейного (как выпуклой, так и вогнутой дуги) очертания фронтоны. К зданиям, отмеченным чертами стиля “пайлоу”, относятся здание иллюзиона “Глобус” (1893 г.), Дом братьев Сенкевичей (1909 г., арх. Люккомо) и др. Типично восточной в зодчестве Владивостока является и стилизация под доугоны — сложную систему кронштейнов выноса кровли. Дома, выложенные из кирпича, не позволяли во всей полноте воспроизвести структуру доугона, обычно деревянного, но образцы кирпичной выкладки, имитирующие подобную конструкцию, сохранились (карниз дома по ул. Пограничной, 12) [4].

Использование элементов русской, западноевропейской, восточной архитектуры, свойственное эклектике, являлось гармоничным для владивостокских построек второй половины XIX века. Природа этого явления заключалась не только в витавших в воздухе архитектурных идеях, но и в особенностях состава городского населения.

Примечание

1. Борисова Е.А. Архитектура// Русская художественная культура второй половины XIX века. Диалог с эпохой: М., 1996, С. 107.
2. Там же. С.108.
3. Унтербергер П.Ф. Приморская область: 1856 — 1898.: СПб., 1900, С. 22.
4. Владивосток. Штрихи к портрету: Владивосток, 1985.

**Е.М. Берестова,
г. Ижевск**

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УЕЗДНОГО ГОРОДА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (на примере г. Глазова Вятской губернии).

Реформы 1860-х гг. принесли существенные изменения во все сферы жизни российского общества. Социальная трансформация подобного уровня естественно привела к коренным сдвигам не только в центральной России, но и в провинции. Городское население имело гораздо больше возможностей приспособиться к изменившимся общественным условиям, и именно оно стало своеобразным проводником реформ на местах. Появление земских учреждений, всплеск общественной активности граждан изменили культурное пространство даже в самых отдаленных от центра и маленьких уездных городах.

Глазов получил статус уездного города еще в период губернской реформы Екатерины Великой, и на протяжении всего XIX в. он продолжал развиваться, хотя и очень медленными темпами. Город находился на севере Вятской губернии в сельскохозяйственной округе вдалеке от транспортных магистралей. В 1856 г. его население составляло чуть более 2000 человек. Основную массу населения составляли (в порядке убывания) мещане, купцы, государственные крестьяне, военные чины, духовенство, а самыми малочисленными были

представители дворянства. В этноконфессиональном плане население города было достаточно однородным, преобладали русские и православные, крайне незначительным было количество крещеных удмуртов, мусульман-татар и ссыльных поляков-католиков.

Город был застроен в соответствии с радиально-кольцевым планом, от центральной соборной площади в разные стороны расходились лучи-улицы вдоль которых выстроились одноэтажные деревянные здания. На 1864 г. в Глазове было всего 26 каменных зданий, в том числе собор и кладбищенская церковь, 11 жилых домов и 13 магазинов и лавок. В начале XX в. их количество увеличилось, в основном за счет учебных заведений. Самым высоким зданием города был Преображенский собор, построенный в 1786 г. на средства Слободской купеческой вдовы Феклы Кореновой, а затем перестроенный в 1859 г. Каменная кладбищенская церковь появилась в 1848 г., благодаря стараниям почетного гражданина Иосифа Волкова. Кроме того церкви принадлежали 4 каменных одноэтажных здания — в одном размещалось Глазовское духовное правление, другое сдавалось в наем торговцам, два последних были переданы Глазовскому духовному училищу.

Самым первым учебным заведением Глазова стало приходское училище, открытое в 1817 г., затем появилось уездное (1827 г.) и духовное (1843 г.). В пореформенный период развитием образования стало активно заниматься земство. Сначала было создано городское училище, а в последствии и прогимназии. В 1876 г. была открыта женская прогимназия, преобразованная в гимназию в 1898 г. Среди учительниц и учениц гимназии преобладали дочери чиновников, священников и купцов. Начальница Беневицкая Юлия Викторовна, дочь священника, ведет уроки чистописания. Милославская Александра Ивановна, учительница математики и естественной истории, дочь священника. Троицкая Софья Алексеевна, учительница младшего отделения приготовительного класса, дочь священника. Максимович Софья Платоновна, учительница русского языка, дочь чиновника. Рылеева Анна Николаевна, учительница истории и географии, дочь чиновника. Юрасова Ольга Николаевна, учительница старшего отделения приготовительного класса, дочь купца. Езергина Софья Николаевна, учительница рукоделия, дочь купца. В качестве законоучителя и преподавателя пения работал Костров Александр Михайлович, священник Глазовского Преображенского собора [1]. За все годы семь классов гимназии окончило 610 человек, восемь классов — 304.

Значительно позднее женской, в 1904 г. открывается классическая четырехклассная мужская прогимназия с изучением одного древнего (латинского) языка. Первоначально она размещалась в частном доме и только спустя два года переехала в специально выстроенное на средства земства здание. В 1910 г. она была преобразована в гимназию. Средства на содержание данного учебного заведения складывались из нескольких источников: 69 % выделило государственное казначейство, 23 % — губернское и уездное земство, остальные средства поступили от городского общества и от учащихся. Большую часть учащихся гимназии составляли дети крестьян, затем в порядке убывания дети купцов и мещан, а также дворян и чиновников. Плата за обучения была самой низкой среди подобного типа учебных заведений Казанского учебного округа — от 10 до 20 руб. в год. С 1911 г. по 1917 г. гимназию окончило 104 человека и часть из них продолжили свое образование в высших учебных заведениях, в частности, в Казанском университете обучалось 10 человек, в Петербургском — 8 [2].

В 1915 г. в Глазове была открыта мужская учительская семинария. Ее выпускники должны были преподавать в сельских начальных школах, поэтому почти половину учащихся составляли удмурты.

Учебные заведения являлись средоточием общественной жизни. В них происходили столкновения идей и мировоззрений. В этой связи весьма показательна история, произошедшая в уездном училище. Все началось с коллективного обращения жителей Глазова к руководству Казанского учебного округа с просьбой о смене смотрителя уездного училища. Вместо штатного смотрителя А. Н. Шмелева было предложено назначить одного из учителей училища — Ф. Л. Сергеева. Руководство округа обратилось с запросом к директору училищ Вятской губернии о разъяснении ситуации. В рапорте от 24 апреля 1862 г. директор сообщил о том, что между штатным смотрителем А. Н. Шмелевым и почетным смотрителем П. И. Колотовым произошел конфликт. Колотов обвинял Шмелева в упущениях по службе, что директор объяснял необъективным отношением Колотова и его страстью к доносам.

Суть конфликта состояла в следующем. После назначения П. И. Колотова почетным смотрителем он предпринял ревизию финансового состояния училища и выяснил, что штатный смотритель А. Н. Шмелев периодически присваивает небольшие суммы из бюджета училища. В частности, Шмелевым были получены деньги на покупку дров для отопления училища, однако ни квитанций об оплате, ни самих дров на училищном дворе не было. Колотов и преподаватели обратились с рапортом к директору Вятских училищ о необходимости проверки деятельности Шмелева. Но Шмелев, будучи племянником этого директора, был заблаговременно извещен о предстоящей ревизии и привез часть дров, а также попытался исправить отчетную документацию. Кроме того, Шмелев в отчетах приписал себе плоды деятельности учителя Сергеева, который организовал при училище библиотеку, постоянно занимался с отстающими учениками и был инициатором открытия женской будничной школы в Глазове.

В связи с возможной проверкой смотритель Шмелев подал рапорт с просьбой о своем переводе и предложил назначить на место штатного смотрителя Глазовского уездного училища преподавателя Уржумского училища Андреева. Рассмотрев рапорт, попечитель находит возможным определить Шмелева учителем арифметики в Нолинское уездное училище. Однако Шмелев подает рапорт об отставке, мотивируя ее расстроенным здоровьем, в частности, ослаблением зрения.

Энергичные молодые люди Колотов, Рукавишников, Сергеев, Корепанов и Зотов попытались всколыхнуть жизнь своего города. Справедливо считая, что Шмелева следует уволить, они инициировали просьбу горожан назначить на должность штатного смотрителя учителя Сергеева. Но подобное развитие событий совершенно не устраивало Шмелева, который в случае увольнения из учебного ведомства за допущенные проступки лишался бы пенсии за семнадцать лет службы в размере годового жалования — 400 руб. Кроме того, появление своего рода неформального кружка образованной молодежи, их излишняя прямота и стремление ко всему новому вызывали неприязнь у определенной части горожан. Общение Колотова и молодых учителей со ссыльным студентом П. Войноральским послужило поводом для написания доноса об их неблагонадежности. Не последнюю роль в этом сыграл и Глазовский благочинный протоиерей И. А. Стефанов. Руками законоучителя училища священника Сырнева он обвинил молодых людей в преступной халатности в исполнении религиозного долга и дурном влиянии на подрастающее поколение.

Далее последовало письмо попечителю Казанского учебного округа за подписью Вятского губернатора о дурном влиянии на преподавателей уездного училища ссыльного студента Московского университета Порфирия Войноральского. Этот студент подружился с выпускником Казанского университета почетным смотрителем училища П. И. Колотовым, учителями Ф. Л. Сергеевым и Н. Рукавишниковым и рассорил их с А. Н. Шмелевым. По сведениям, поступившим губернатору, ни Колотов, ни Сергеев, ни Рукавишников в этом году «перед Причастием не говели», а веселились на именинах у купца Зотова. В доносе отмечалось халатное отношение молодых людей и к исполнению других церковных таинств. Частое общение учителей с Войноральским вызвало среди горожан слухи об их дурном влиянии на учениц женской будничной школы, что ставило под угрозу ее функционирование и могло послужить основанием для закрытия. По донесению законоучителя училища Сырнева, учителя Н. Рукавишников (по происхождению из мещан), Корепанов (из мещан) и Ф. Сергеев (из духовного звания) под влиянием бесед со ссыльным стали отвергать существование бога. Во время церковной службы они и купеческий сын Зотов разговаривали, громко смеялись и «не преклоняли колен в положенное время». В связи с этим, опасаясь дальнейшего дурного влияния Войноральского, губернатор обратился в Министерство внутренних дел с просьбой перевести указанного ссыльного в другую губернию. Об этом он считал необходимым уведомить попечителя Казанского учебного округа, чтобы тот принял «надлежащие» меры по своему ведомству..

После письма Вятского губернатора попечителю Казанского учебного округа о неблагонадежности почетного смотрителя Глазовского уездного училища П. И. Колотова было издано распоряжение об увольнении молодого человека. Вместе с Колотовым от занимаемых должностей были освобождены учителя Корепанов, Рукавишников и Сергеев. Корепанов

панову разрешили остаться в учебном ведомстве с переводом в Котельническое уездное училище. Колотову, Сергею и Рукавишникову было запрещено работать в учреждениях Министерства народного просвещения. По представлению губернатора они попадали под негласный надзор полиции.

Попытка молодых людей добиться справедливости оказала трагическое влияние на их судьбу. Позднее П. И. Колотову, благодаря энергичной деятельности и поддержке родственника — Глазовского городского головы, удалось доказать несправедливость обвинений. Не последнюю роль в этом сыграла и объективность полицейских чинов, наблюдавших за Колотовым и его товарищами. Согласно итоговому рапорту, Колотов Петр Иванович, сын купца 26 лет, окончивший Казанский университет, был умным, деловым и «вполне благонадежным» человеком. Сведения же о его общении со ссыльным и атеистических разговорах поступили от Глазовского протоиерея И. Стефанова, которого полицейский чиновник называл «известным ябедником и интриганом». О Сергее и Рукавишникове также давался хороший отзыв, тогда как бывший штатный смотритель Шмелев характеризовался как неприятный, хотя и вполне благонадежный человек.

На основании ходатайства управляющего Казанским учебным округом Министерство внутренних дел разрешило Колотову, Сергею и Рукавишникову снова поступить на службу по учебному ведомству с прекращением полицейского надзора. В 1864 г. Сергеев Федор Лавретьевич был определен учителем русского языка в Ядринское уездное училище, Рукавишников Никандр — туда же учителем истории и географии, Колотов Петр Иванович — почетным смотрителем Вятского уездного училища. Справедливость была восстановлена, но молодые люди почти на два года были лишены возможности заниматься любимым делом, а виновные смогли избежать наказания[3].

Учебные заведения уездного города являлись не только образовательными, но и культурными центрами. Силами учащихся проводились различные концерты, танцевальные вечера. Для большинства молодых людей именно училища и гимназии были единственными местами развлечений. Министерство народного просвещения строго требовало от учащихся соблюдения правил о внешкольном поведении. Для них было предусмотрено обязательное ношение формы, устанавливалось время и место разрешенных прогулок. Запрещалось посещение заседаний судебных, городских, дворянских и земских учреждений, опереток, фарсов, маскарадов, танц-классов, кофеен, дежурство у театральных касс ночью и днем во время уроков. Учащиеся не имели право участвовать, в качестве исполнителей в спектаклях и концертах устраиваемых вне стен учебного заведения, а также распространять билеты на такие представления. Участие в чествованиях носящих публичный характер, и посещение лекций хотя бы научного характера, допускалось только с разрешения ближайшего учебного начальства[4].

Еще одним культурным и образовательным центром являлись библиотеки. Благодаря деятельности земства в 1867 г. в Глазове появилась публичная библиотека. Небольшие библиотеки имелись также и при учебных заведениях. В 1897 г. в городе была организована бесплатная народная читальня им. М.И. Шулятикова, участника «Казанского заговора» и секретаря уездной земской управы.

Жители Глазова выписывали центральные и местные издания самого различного характера. Больше всего подписчиков имели «Вятские губернские ведомости», остальные издания выписывались в двух-трех экземплярах: Биржевые ведомости, Будильник, Вечерняя газета, Воскресный досуг, Всемирная иллюстрация, Вятские епархиальные ведомости, Голос, Деятельность, Московские ведомости, Медицинский вестник, Неделя, Правительственный вестник, Петербургская газета, Петербургский листок, Русский инвалид, Санкт-Петербургские ведомости, Сенатские ведомости, Судебный вестник, Сын Отечества, Указатель Минфина, Архив судебной медицины, Военно-медицинский журнал, Военный сборник, Духовная беседа, Душеполезное чтение, Дело, Мирской вестник, Мирское слово, Модный магазин, Модный свет, Педагогический сборник, Руководство для сельских Пастырей, Семейные вечера, Собрание иностранных романов, Странник, Технический сборник, Учитель, Христианское чтение, Отечественные записки. Один экземпляр газеты приходился на 9 человек, журнала на 37 человек[5].

В начале XX в. одним из учреждений, занимавшимся организацией досуга горожан, становится Глазовский уездный комитет попечительства о народной трезвости. Правительственные учреждения — Попечительства о народной трезвости (Устав утвержден 29 декабря 1894 г.), были образованы для борьбы с пьянством, одновременно с введением монопольной системы. Делами Попечительств заведовали губернские и уездные комитеты. В состав уездных комитетов входили следующие должностные лица: соборный протоиерей, инспектора гимназий и начальных училищ, смотритель духовного училища, уездный наблюдатель за церковно-приходскими школами, уездный член окружного суда, товарищ прокурора окружного суда, уездный исправник, помощник акцизного надзирателя, уездный воинский начальник, земские начальник участков уезда, податные инспектора, уездный врач, городской судья, председатель уездной земской управы и городской голова.

Попечительства создавались «для ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками» и состояли в ведении Министерства финансов по Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи потов. В их задачу входило вести надзор за продажей спиртных напитков согласно установленным правилам, распространять среди населения представления о вреде пьянства, организовывать лекции, народные чтения и собеседования, составлять и распространять издания о вреде пьянства, открывать чайные, народные читальни, лечебные приюты для алкоголиков. Кроме того, для отвлечения населения в выходные и праздничные дни от пьянства, устраивались народные гуляния.

По мнению членов Глазовского уездного комитета попечительства о народной трезвости, чтобы продемонстрировать привлекательность трезвого образа жизни, необходимо было организовывать досуг населения. Именно для этого во многих селах и в самом Глазове были открыты чайные с библиотеками-читальнями при них. Однако ассортимент продуктов в чайных был не велик, обычно там предлагался кипяток, чай, сахар, карамель, хлеб и булки. Руководили работой чайных чаще всего люди далекие от торговли, например земские начальники, учителя и духовенство. Кроме того, библиотеки при чайных не могли похвастаться изобилием печатной продукции, в лучшем случае посетителям предлагались два-три вида периодических изданий и несколько десятков брошюр противоалкогольного содержания. Поэтому чайные комитета не приносили прибыли и даже не покрывали расходов на свое содержание. Ситуацию не могла исправить и предпринятая торговля семенами. Так, чайная, открытая в Глазове в начале XX в. через три года была закрыта как убыточная, а ее имущество было распродано.

Для популяризации своей деятельности и организации трезвого досуга горожан комитет в 1905 г. принял на свой баланс глазовский городской каток. В течение нескольких лет каток устраивал глазовский мещанин Аркадий Самойлович Сенилов. Для этого в овраг, расположенный близ домов Фиделина и Сенилова, осенью дополнительно заливалась вода и огораживалась площадь 100 кв. сажень. Вход на каток был платным, но учащиеся начальных школ и беднейшие горожане катались бесплатно. За катание учащихся прогимназии и гимназии, городского и духовного училища плату вносила администрация учебных заведений. Для прочих граждан плата за вход составляла 5 коп., а сезонный абонемент стоил 2 рубля. Для посетителей катка была устроена теплушка с обогревом, и продавался чай и лакомства.

Осенью 1905 г. устройством катка занялся уездный комитет попечительства о народной трезвости. Заведовать катком взялся дьякон Глазовского Преображенского собора Дрягин. С Городской думой был заключен договор на предоставление земельного участка бесплатно и дополнительного ассигнования на оборудование 25 руб. На эти деньги и средства комитета были закуплены: железная печь с трубой для обогрева теплушки, две железные и две деревянные лопаты для расчистки снега, два ведра для чая, два ведра для полива, две полубочки из-под керосина и дровни. Для работы на катке был нанят Василий Крестьянин. В течение зимы 1905-1906 гг. было выручено от продажи 1232 разовых билетов — 61 руб. 60 коп., 8 абонементов — 16 руб. и от администрации учебных заведений — 70 руб. Всего за сезон от продажи билетов было получено 147 руб. 60 коп., а расходы на содержание катка составили 96 руб. 61 коп., следовательно, чистой прибыли было 50 руб. 99 коп. Однако заведующий катком Дрягин занимался делами крайне не аккуратно, не вел приходно-расходных книг и не выплачивал жалование нанятым рабочим. Поэтому комитет

перестал с ним сотрудничать, а так как других желающих заниматься устройством катка не нашлось, в 1906-1907 г. комитет отказался от его содержания.

На одном из заседаний Глазовского уездного комитета попечительства о народной трезвости было принято решение организовать летние загородные гуляния. Было выбрано живописное место — луг между кузницей и полотном железной дороги. Дорогу до места гуляния расчистили и проложили мостки через грязь. Организаторами гуляний — членами комитета А. В. Фроловым и Г. С. Наговицыным была проведена большая подготовительная работа. Было закуплено оборудование и устроены аттракционы. Гуляния проходили 6 и 7 июня 1909 г. с 17.00. до 22.00. Вход был платным от 10 до 25 копеек. На лугу был устроен буфет, столы со скамьями. Были оборудованы места для духового оркестра и хора, построены качели, гигантские шаги, мачтовые столбы и тир. Все аттракционы за исключением тира были бесплатными. Перед гуляющими выступал хор Озоно-Чепецкого детского приюта в сопровождении духового оркестра комитета, играл граммофон. Вечером состоялся фейерверк, запускались ракеты и зажигались бенгальские огни. Жители города остались очень довольны, за два дня гуляния посетили более ста человек.

На подготовку гуляний были израсходованы средства комитета в размере 75 руб. и часть денег была взята заимообразно из кассы попечительства детских приютов. Всего было потрачено 151 руб. 95 коп., в т. ч.:

1. Плотнику Афанасию Трефилову за изготовление приспособления для гуляний — 25 руб.
2. Приобретение необходимых материалов и их доставка — 10 руб.
3. Выписка из Москвы ружья системы Монтекристо и устройство тира — 39 руб. 15 коп.
4. Очистка места и устройство перехода через заболоченный участок — 4 руб. 20 коп.
5. Организация и содержание хора в течении двух дней — 14 руб. 04 коп.
6. Вознаграждение музыканту Блинову — 2 руб.
7. Прокат граммофона из магазина Никитина — 4 руб. 55 коп.
8. Продукты для чая из лавки Ибрагимов — 7 руб. 75 коп.
9. Покупка призов за стрельбу и лазанье — 8 руб. 72 коп.
10. Покупка фейерверка — 19 руб.
11. Перевозка имущества — 6 руб. 75 коп.
12. Оплата прислуге, обслуживающей чайные буфеты — 10 руб. 79 коп.

Прибыль от устройства гуляний не покрыла расходы на их организацию. Основные средства поступили от продажи входных билетов — 24 руб. 21 коп. Кроме того, была получена выручка от работы буфета 8 руб. 98 коп. и плата за стрельбу в тире — 10 руб. 16 коп. Всего от проведения гуляний было выручено 43 руб. 35 коп. Осталось материалов и оборудования на сумму 71 руб. 60 коп. Подводя итоги организационной работы члены уездного комитета пришли к выводу, что народные гуляния не оправдывают затрат на их проведение. По мнению председателя, их необходимо устраивать не реже двух раз в месяц в теплое время года, чтобы вернуть средства потраченные на закупку оборудования или же сдавать его в аренду. Однако хлопотное дело организации гуляний члены комитета брали на себя не охотно, вследствие чего гуляния проходили обычно раз в один или два года[6].

Деятельность Глазовского уездного комитета попечительства о народной трезвости по организации развлечений горожан носила характер единичных акций. К сожалению, в силу различных причин они не стали постоянным явлением городской жизни.

В пореформенный период происходило значительное оживление культурной жизни уездного города. Огромную роль в этом игра деятельность земства по открытию учебных заведений. Возрастала и активность горожан, они создавали культурно-просветительские общества, участвовали в распространении образования, создавали новые формы досуга.

Примечание

1. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 92, оп. 1, д. 19816, л. 3-4.
2. История Удмуртии. Конец XV — начало XX в. Ижевск, 2004. С. 435.
3. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 92, оп. 1, д. 8166, л. 7-114
4. Вятская Речь. 1909. № 175. С. 3.
5. Памятная Книжка и Календарь Вятской губернии на 1868 г. Вятка, 1868. С. 72-75.
6. ЦГА УР, ф. 141, оп. 1, д. 3, л. 47 об.-51 об., 55 об.-59 об., д. 4, л. 69 об.-77 об.